

В которой учитель и ученик затевают хитрость, а гадание на песке предвещает судьбу

Как уже говорилось, Цзя Чжу упал в воду и лишился чувств. К счастью, на помощь вовремя пришёл Шао Инлинь: он применил золотые иглы, и Чжу-эр наконец открыл глаза. Узнав, что Сююй казнит себя за случившееся, молодой человек тотчас велел позвать названного брата.

Матушка Цзя, сидевшая у постели внука, поспешно отправила служанку Юаньян в библиотеку. Сама же она повернулась к чете Линь, почтительно стоявшей позади неё:

— Да разве можно винить в этом нашего Юй-эра? Вы бы успокоили мальчика, незачем ему себя изводить. Они так дружны, что один без другого и дня прожить не может, а уж коли беда стряслась — готовы делить её пополам! По мне, так оба ни в чём не виноваты. Дети есть дети, заигрались, с кем не бывает? Главное, что оба спасены. Говорят ведь: кто избежал безвременной гибели, того впереди ждёт великое счастье. Верю, обоим суждены богатство, почёт и долгие годы жизни. А пруд этот окаянный я велю завтра же засыпать землёй! И впредь, если захотят погулять в саду, пусть за ними служанки ходят толпой, тогда уж точно ничего худого не случится...

Пока она говорила, вернулась Юаньян, бережно поддерживая Сююя. Мальчик едва держался на ногах и шёл спотыкаясь — верно, оттого, что слишком долго простоял на коленях, замаливая вину, и они совсем онемели. Кое-как приблизившись к постели, он поклонился старшим, а затем, качаясь от усталости, бросился к больному и схватил его за руки.

— Чжу-эр! Ты... ты правда очнулся? Всё позади? — его сорванный голос прозвучал тихо и хрипло.

Чжу-эр пристально взгляделся в лицо названного брата. Сююй осунулся, смертельно побледнел, а покрасневшие веки его припухли, напоминая спелые персики. Сердце раненого сжалось от жалости.

— Братец Юй, зачем ты так истязашь себя? — мягко упрекнул он его. — Посмотри на меня, я ведь жив и невредим, со мной ничего не случилось!

Сююй лишь опустил голову. В его взгляде читались лишь жгучий стыд и раскаяние.

Чжу-эр крепче сжал его холодные ладони.

— Не надо, — со вздохом произнёс он. — Разве есть тут твоя вина? Я сам, по своей воле полез за той злосчастной веткой мейхуа. Если ты продолжишь изводить себя, то лишь заставишь страдать старую предчицу, матушку и батюшку. А ведь это — худшее непочтение к родителям... Не тревожься, я живуч. Даже если бы суждено мне было провалиться в самую

преисподнюю, я бы и оттуда вырвался обратно к тебе.

— Чжу-эр... — прошептал Сююй, и новые слёзы покатались по его щекам.

— Послушай меня, братец Юй, и запомни крепко-накрепко, — продолжал Чжу-эр. — Я умею плавать. Если вдруг, упаси небо, случится так, что я снова окажусь в воде...

Едва услышав эти слова, Сююй испуганно прижал ладонь к его губам:

— Замолчи! К чему поминать дурные приметы? С чего бы тебе снова падать в воду?!

Чжу-эр мягко отвёл его руку и улыбнулся:

— И всё же выслушай. Если это произойдёт, ни в коем случае не бросайся за мной. Я и сам удержусь на воде, а ты должен немедленно бежать за помощью. Обещаешь?

Сююй, помедлив, согласно и очень серьёзно кивнул.

Чжу-эр облегчённо вздохнул.

— Вот и славно. А теперь ступай отдыхать. Погляди на себя — под глазами тёмные круги, краше в гроб кладут. Тебе нужен покой.

Сююй немного поколебался, но спорить не стал. После недолгой беседы он попрощался с названным братом и вместе с родителями отправился обратно в усадьбу Линь. Тревога, терзавшая его последние дни, наконец отступила. Едва карета тронулась с места, навалившаяся усталость взяла своё: мальчик свернулся калачиком, уткнулся лицом в колени матери, Цзя Минь, и мгновенно уснул крепким, безмятежным сном.

Супруги Линь не находили слов для благодарности. Они прекрасно понимали: беда стряслась из-за прихоти их собственного сына, и если бы не самоотверженность Чжу-эра, отдавшего последние силы ради спасения названного брата, Сююя могло бы уже не быть в живых. С этого дня они стали относиться к Чжу-эру с особенной теплотой и почтением, выделяя его среди прочих племянников.

Что же касается Сююя, то после этой злополучной прогулки он на всю жизнь возненавидел цветы мейхуа, что впоследствии не раз вызывало улыбки у его близких. Впрочем, пережив вместе смертельную опасность, мальчики сблизились так, как не сближаются иные кровные братья за долгие годы. Отныне каждый из них занял в сердце другого особое, неприкосновенное место. Но об этом речь пойдёт позже.

Тем временем в поместье Жунго, едва карета гостей скрылась из виду, обитатели дома, собравшиеся в покоях госпожи Ван, начали постепенно расходиться. Однако матушка Цзя оставалась глубоко опечаленной. В присутствии зятя и дочери она не решалась высказать свои подозрения, но теперь, оставшись со своими, предалась невесёлым думам. Ведь это несчастье на воде было в их доме далеко не первым! Много лет назад первенец старшей ветви рода, молодой господин Мэй, утонул в одном из садовых прудов, безвременно покинув этот мир. И вот опять — едва не погибли сразу двое её любимых внуков. При одной мысли об этом старая госпожа бледнела, а пальцы её, сжимавшие чётки, мелко дрожали. Не иначе как злой рок навис над усадьбой, или же коварная вода вознамерилась лишить их род наследников! Вне всяких сомнений, дело было в нарушенном равновесии сил фэншуй. Ей безумно хотелось прямо сейчас велеть слугам засыпать землёй все водоёмы в усадьбе.

Поразмыслив ещё немного, старая госпожа вспомнила, что господин Шао Инлинь всё ещё находится в усадьбе — его принимал в своём кабинете Цзя Чжэн. Помня о том, что именно учёный муж вернул к жизни Чжу-эра, и зная о его недюжинном уме и обширных познаниях, матушка Цзя обратилась к госпоже Ван:

— Нынче именно господин Шао спас нашего мальчика. К тому же он его наставник. Говорят, этот человек повидал немало на своём веку и сведущ во многих вещах. Вели кому-нибудь сходить в библиотеку ко Второму господину и попросить их обоих пожаловать в мои покои. Мне нужно побеседовать с почтенным учителем.

Лежавший на постели Чжу-эр услышал слова бабушки, и в его голове мгновенно созрел дерзкий план.

«Вот он, мой счастливый случай! Сами небеса помогают мне обратить беду в благословение!»

Юноша поспешно подал голос:

— Старая предчица, у внука тоже есть важное дело к наставнику. Позвольте господину Шао сначала заглянуть ко мне в комнату?

Старая госпожа благосклонно кивнула и велела служанке Хупо поспешить в библиотеку. Все находившиеся в покоях родственники послушно вышли, решив не мешать беседе наедине, а уж после проводить гостя к матушке Цзя.

Вскоре вошёл Шао Инлинь. Он присел на край постели ученика, недоумевая, зачем тот призвал его в столь неурочный час.

Чжу-эр приподнялся на локтях и заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Наставник, я осмелился просить вас прийти, дабы умолять о величайшей услуге. Если вы согласитесь помочь мне и наше дело увенчается успехом, я до конца дней своих пребуду в неоплатном долгу перед вами. Но если мы потерпим неудачу... боюсь, вся моя дальнейшая

жизнь превратится в беспросветный кошмар.

Заметив небывалую серьёзность на лице обычно спокойного юноши, Инлинь отложил всякие шутки и строго спросил:

— О чём ты толкуешь, Чжу-эр? Что за беда стряслась, раз ты говоришь столь грозные слова?

Вместо ответа Чжу-эр протянул учителю тонкий листок бумаги, исписанный торопливым, но твёрдым почерком — юноша набросал эти строки за те несколько мгновений, пока ждал наставника. Инлинь с недоумением принял записку, быстро пробежал её глазами и нахмурился.

— Что за безумная мысль пришла тебе в голову? — недоверчиво спросил он, глядя на ученика.
— С такими вещами не шутят. Осуществить подобное будет невероятно трудно, если вообще возможно.

— Знаю, наставник, прекрасно знаю, — горячо возразил Чжу-эр. — Но моё решение твёрдо, и отступать мне некуда. Лишь вы один во всей Поднебесной способны протянуть мне руку помощи. Вы всегда проявляли ко мне величайшую снисходительность, неужели теперь оставите меня на краю пропасти?

— И всё же объясни мне толком: что заставило тебя решиться на этот шаг? — допытывался Инлинь. — Разве ты не боишься, что молва заклеит тебя как непочтительного сына, поправшего волю родителей?

Понимая, что без веских доводов наставника не склонить на свою сторону, Чжу-эр решился выложить карты на стол:

— Учитель, вам ли не знать, что искони браки свершаются по воле родителей и указке свах. Юношам и девушкам не позволено выбирать самим. Но вы — человек иного полёта, чьи взгляды далеки от закостенелых условностей света. Вы сами проповедуете учение о «высшем чувстве», веря, что по-настоящему чистые помыслы должны исходить из самого сердца. Не будь вы верны этому убеждению, разве решились бы вы бросить вызов глупым предрассудкам толпы и разделить свою судьбу с молодым господином Су? Ныне же мой отец и матушка, исходя из собственных корыстных видов, вознамерились сосватать меня за дочь господина Ли, смотрителя столичной Академии. Мне доподлинно известно, что девица Ли скромна и добродетельна, но моё сердце уже отдано другому человеку... Коли я безропотно покорюсь чужой воле, этот брак принесёт несчастье и мне, и ей. Мы лишь сгубим жизни друг друга. Кому, как не вам, понять мои терзания? К тому же у моих родителей я не единственный сын — есть кому продолжить наш род и приносить жертвы предкам...

Инлинь невольно улыбнулся, покачав головой.

— Я всегда знал, что в твоей груди бьётся мятежное сердце, а помыслы твои далеки от

заурядности. Но кто же та прекрасная дева, пленившая тебя настолько, что ты готов пойти против воли родителей и решиться на столь отчаянный подлог?

Лицо Чжу-эра залил густой румянец, он смутился и несколько мгновений не мог выговорить ни слова, но затем, собравшись с духом, выпалил:

— Это... братец Юй! Молю вас, учитель, пощадите нас. Мы оба ваши ученики, и вам наверняка не захочется видеть, как мы медленно угасаем от неразделённого горя...

«Сююй, заклинаю тебя, не сердись, когда узнаешь об этой лжи! — Чжу-эр мысленно зажмурился. — У меня просто не было иного выхода. Если бы я не назвал твоё имя, наставник никогда бы не согласился на подобное безумство»

Услышав это признание, Инлинь вытаращил глаза, а затем изобразил крайнее изумление:

— Вот оно что! Теперь мне всё ясно. Неудивительно, что вы едва не отправились к праотцам, спасая друг друга из ледяного пруда. Какая редкостная, жертвенная преданность!

— Прошу вас, учитель, не издевайтесь надо мной... — смущённо пробормотал Чжу-эр.

«Если бы я только знал, из-за чего мы на самом деле туда рухнули!»

Однако главное было сделано — Инлинь сменил гнев на милость и кивнул в знак согласия.

— Хорошо. Говори, что именно ты задумал и какая роль отведена мне в этой затее?

Цзя Чжу торопливо зашептал:

— Я хочу прибегнуть к древнему искусству гадания на песке — фуцзи. Пусть духи начертаят предсказание, которое навсегда отбьёт у моих родных охоту связывать меня узами брака. Старая предчица как раз собирается призвать вас для совета. Вы можете как бы невзначай намекнуть ей, что неплохо бы спросить богов о моей судьбе. Она непременно ухватится за эту мысль! Сейчас в поместье Линь гостит даосский мастер Ванчэнь. Молю вас, уговорите его разыграть это таинство. Его слава столь велика, а духовная сила так безупречна, что никто в нашем доме не посмеет усомниться в подлинности знамения. Конечно, согласится ли почтенный даос на обман — вопрос сложный... Но мне кажется, хотя мы с молодым господином Су знакомы недавно, он относится ко мне с дружеским участием. Если господин Су замолвит за меня словечко перед старшим братом-наставником, тот ради любимого ученика своего ордена закроет глаза на наши шалости.

Инлинь на мгновение задумался, взвешивая все «за» и «против», но в конце концов одобрительно хмыкнул. Дав ученику ещё несколько наставлений о том, как держать себя перед домашними, он поднялся и направился к матушке Цзя. Когда дверь за ним закрылась, Чжу-эр

шумно выдохнул всю накопившуюся усталость. Самое трудное было позади. С чувством исполненного долга он опустился на подушки и погрузился в глубокий, спокойный сон. Теперь оставалось лишь уповать на судьбу и ждать результатов.

Тем временем Шао Инлинь прибыл в покои старой госпожи. Его усадили за резной стол перед тяжёлой шёлковой ширмой, за которой на тёплом кане восседала сама матушка Цзя. Цзя Чжэн почтительно замер подле неё. После положенных по этикету приветствий и заверений в глубоком почтении старая госпожа осыпала гостя благодарностями за спасение внука и лишь затем перешла к делу. Как и предвидел Чжу-эр, она начала сокрушаться о чередес несчастий, преследующих их семейство на воде. Старушка долго вздыхала, сетуя на злой рок и тщетность домашних молений, после чего обратилась к гостю с прямым вопросом:

— Господин Шао, вы человек ума палатного и книгу жизни читали прилежно. Скажите на милость, не находит ли ваша мудрость связь между этими бедами и... устройством нашего жилища? Не пострадал ли фэншуй усадьбы Жунго?

Инлинь сделал паузу, словно взвешивая каждое слово, и ответил с величайшим почтением:

— Почтенная госпожа, судить о столь тонких материях с ходу я бы не решился. Усадьба Жунго возводилась вашими великими предками, чья мудрость превосходила обычную. Когда закладывался этот дом, строители наверняка предусмотрели малейшие детали, выбрав место исключительной благодати. Это ведь не лачуга бедняка, которую можно перенести на другое поле по первому капризу. Полагаю, фэншуй здешних мест по-прежнему крепок и защищает ваш славный род лучше, чем любые обереги.

— Но что же нам тогда предпринять? — из-за ширмы донёсся полный тревоги голос старой госпожи. — После кончины моего бедного внука Мэя вся надежда осталась лишь на Чжу-эра. Если и с ним случится беда... о, тогда наш род лишится опоры! Что станет с величием дома Жунго?

Стоявший рядом Цзя Чжэн горько вздохнул и согласно покачал головой.

Эти слова были Инлиню только на руку. Напустив на себя задумчивый вид, он выдержал паузу и заговорил с мягкой доверительностью:

— Я человек пришлый и не смею соваться с советами в дела великого семейства. Но коль скоро почтенная госпожа столь искренне вверяет мне свои тревоги, а Чжу-эр является моим любимым учеником, я не вправе отмалчиваться. Пожалуй, в такой ситуации разумнее всего было бы обратиться к высшим силам. Стоит провести обряд гадания на песке, дабы духи поведали нам о предначертанных юноше невзгодах. Узнав, какие преграды готовит ему судьба, мы сможем отыскать способ отвести беду.

Матушка Цзя оживилась:

— Твоя правда, господин Шао! Хотя гадание и почитают порой забавой, мне не раз доводилось слышать о прорицателях, чьи предсказания сбывались до мельчайших подробностей. Всё зависит от того, насколько искусен мастер и под силу ли ему призвать истинных небожителей.

— Вы зрите в самый корень, — подхватил Инлинь. — И надо же случиться такому совпадению: ныне в столице гостит один удивительный человек. Это даос Ванчэнь, настоятель Храма Чунской, что на священной горе Лофу. Силе его духа и глубине познаний позавидовали бы древние мудрецы, а уж в искусстве начертания воли богов ему нет равных во всей империи. Нынче он остановился в доме господина Линя... Если нам удастся склонить его к проведению обряда, за исход дела можно не беспокоиться.

И матушка Цзя, и Цзя Чжэн внимали каждому его слову с благоговейным трепетом. Сомнений не осталось: даосский мастер — их единственное спасение. Не откладывая дело в долгий ящик, они тут же наметили благоприятный день, дабы Цзя Чжэн собственноручно подготовил визитную карточку и отправил в усадьбу Линь официальное приглашение для почтенного Ванчэня. Обсудив кое-какие мелочи грядущего обряда, о коих здесь распространяться не стоит, они расстались, довольные друг другом.

Поздним вечером, управившись с ужином, Чжу-эр получил весточку от своего учителя. В коротком письме говорилось, что даос Ванчэнь без лишних уговоров согласился исполнить их просьбу, и теперь оставалось лишь дождаться назначенного дня. Но ещё более юношу поразила приписка в конце послания: прежде чем дать ответ, святой отец раскинул гексаграммы на судьбу самого Чжу-эра, и выпавшее прорицание слово в слово совпало с той дерзкой выдумкой, что Цзя Чжу начертал на клочке бумаги. Настоятель монастыря лишь покачал головой и признал, что затеянное ими дело — не просто уловка, но сама воля Небес, предрешённая свыше.

<http://bllate.org/book/18221/1752824>